УДК 93/94

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ П.А. СТОЛЫПИНА

Смирнов Сергей Сергеевич,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры
государственного управления,
правового обеспечения
государственной и муниципальной
службы,
доктор исторических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sss45@inbox.ru

Аннотация
В статье изложены основы новой геополитической концепции переселенческой политики П.А. Столыпина. Организация переселенческого дела рассматривается как этап в реализации общей геополитической стратегии России, осуществлявшейся на протяжении ряда столетий.

Ключевые понятия:
Столыпинская аграрная реформа, переселенческая политика, переселенческое дело, геополитическая стратегия, колонизация восточных районов России.

При изучении противоречивых процессов переломных эпох иногда единственно применимым становится геополитический подход, позволяющий исследователю путем переноса проблемы в более широкомасштабную систему пространственно-временных и полисубъектных отношений найти закономерности даже там, где связь времен кажется разорванной. Применительно к целому ряду дискуссионных вопросов российской истории, связанных с особенностями естественно-географических условий, демографической ситуацией, колонизационными процессами, геополитический подход представляется особенно эффективным.

В исторической литературе господствует взгляд на переселенческое дело при правительстве П.А. Столыпина как на одну из важнейших составных частей аграрной политики, нацеленной на разрушение крестьянской общины и создание таким путем слоя «крепких» крестьян-кулаков, которые наряду с помещиками являлись бы экономической и социальной опорой приспосабливающегося к новым условиям самодержавия. В зависимости от общей идеологической ориентации авторов результаты этой политики в советской исторической литературе оценивались негативно, в постсоветской, наоборот, положительно, а все издержки списывались на отсутствие у реформатора двадцати спокойных лет, необходимых для завершения аграрной реформы. Но, в любом случае, деятельность переселенческих учреждений напрямую связывалась с проведением в жизнь именно аграрного курса.

Так, известный исследователь столыпинских реформ А.Я. Аврех писал: «В задачу переселенческого управления входило разрядить земельную тесноту прежде всего в центральных губерниях России, где малоземелье и безземелье крестьян были особенно остры» [1, с. 89]. Соответствующим образом оценивались и результаты этой деятельности: «переселения не разрядили сколько-нибудь значительно земельной тесноты. Число переселенцев и ушедших в города не поглощало естественного прироста населения». Главным итогом стало массовое возвращение на родину, но уже без денег и надежд, ибо прежнее хозяйство было продано. За 1906–1916 гг. из-за Урала возвратилось более 0,5 млн человек, или 17,5%; в 11910–1916 гг. доля возвратившихся составила 30,9%, а в 1911 г. – 61,3% [1, с. 89–90]. Иными словами, переселенческая политика потерпела полный провал.

Вывод этот настолько очевиден, что его трудно опровергнуть. Да никто серьезно и не пытался это сделать. Даже в публикациях, положительно оценивающих деятельность «великого реформатора», характеристика его переселенческой политики либо отсутствует

вовсе, либо авторы прямо признают, что «реформа не смогла повлиять на увеличение крестьянского землепользования в центре страны» [17, с. 99]. И это действительно так. Простое сопоставление числа выезжающих на окраины крестьян с темпами естественного прироста населения в Европейской России – наглядное тому подтверждение.

С другой стороны, высокий процент «обратных» переселенцев также свидетельствует, скорее, о провале переселенческой эпопеи, чем о ее триумфе, во всяком случае, на первый взгляд. Удивляет здесь лишь одно обстоятельство: самих организаторов крестьянского движения за Урал высокий удельный вес возвращавшихся назад, видимо, не особенно тревожил. Сообщая в июне 1907 г. о положении дел в Сибири и на Дальнем Востоке, главноуправляющий землеустройством и земледелием писал с явным оптимизмом: «Количество зарегистрированных обратных ходоков весьма незначительно: из 120000 человек отмечено обратных только 45000 и следовательно до 75000 поныне остается еще в Сибири» [12, л. 2–6]. Таким образом, свыше трети вернувшихся «без денег и надежд» – это факт менее значительный по сравнению с тем, что несколько десятков тысяч человек все же закрепилось на сибирских землях.

Действительно, в масштабах Европейской России лишние полмиллиона разорившихся за десятилетие крестьян были величиной достаточно небольшой, практически незаметной. Собственно говоря, практически незаметной величиной были и те 3,3 млн крестьян, которые в 1906–1914 гг. переселились на окраины. Ведь за эти же годы население пятидесяти европейских губерний выросло примерно на 15 млн человек. Зато для слабозаселенных окраин эта величина являлась весьма заметной. И если допустить, что главной целью переселенческой политики являлась колонизация окраин, то оптимизм чиновника становится вполне понятным и объяснимым.

Вообще, при подходе к переселенческому делу лишь как к составной части аграрной реформы многое в нем может показаться нелогичным и даже противоречащим ее целям и духу. Совсем иное впечатление создается, если подходить к нему с позиций российской геополитической стратегии, в которой колонизация и русификация восточных районов империи занимали важнейшее место.

Начнем с того, что переселенческий вопрос возник задолго до прихода правительства Столыпина и не исчез после его ухода. Более того, не исчез он и после «ухода» всего общественного строя, который олицетворял Столыпин. Крестьянское продвижение на восток имело давние традиции и носило объективный характер. Теоретически идею неподвластности миграционного процесса социальной политике в наиболее общей форме сформулировал В.О. Ключевский: «История России есть история страны, которая колонизуется... То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней...» [8, с. 24–25].

Интенсивное железнодорожное строительство начала 1890-х гг. перенесло переселенческий вопрос из области скорее теоретической в сферу практической колонизационной политики.

К началу столыпинских реформ сеть одних только казенных дорог оценивалась в астрономическую цифру – 4,5 млрд руб. Из них Сибирская, Забайкальская и Уссурийская создавались не из коммерческих, а из военно-политических соображений. Из стратегических же соображений прокладывались в Сибири вторые колеи, основывались воинские продовольственные пункты [4, с. 264–267]. На повестку дня встал вопрос о заселении и хозяйственном освоении примыкающих территорий.

Все это резко изменило взгляды правительства на суть и значение переселенческого дела. Был образован фонд в 21,9 млн руб. «на вспомогательные мероприятия, связанные с постройкой Сибирской дороги и имеющие целью как облегчение сей постройки, так и содействие заселению и промышленному освоению прилегающих к дороге местностей» [2, с. 459]. Непосредственно на освоение выделенных под заселение земель за первое пятилетие деятельности комитета было ассигновано почти 12 млн руб.

Уже в то время заметно проявилась одна важная особенность в организации переселенческого дела, сохранявшаяся и в последующие десятилетия: львиная доля средств выделялась на создание соответствующей инфраструктуры, без которой колонизационный процесс, как способ включения окраин в сферу экономической жизни государства, был бы невозможен. Непосредственно на помощь в устройстве хозяйства самих переселенцев выделялось средств относительно немного, и то главным образом в виде ссуд, хотя и льготных, но подлежащих возврату.

Новое отношение к переселенческому делу, как к колонизационному процессу, было сформулировано императором в выступлении на заседании КСЖД 3 марта 1895 г., в котором он подчеркнул «крайне благоприятное влияние переселений на политическое и экономическое развитие Сибири, способствующих насаждению там русской культуры и содействующих достижению правительством задачи ближайшего

объединения наших азиатских владений с Европейской Россией» [9, с. 121–122].

По словам известного специалиста в области аграрных отношений А.А. Кауфмана, в основу организации переселенческого дела Комитетом были положены «не столько виды общей государственной земельной политики, сколько специальная задача заселения и оживления района Сибирской железной Дороги» [7, с. 537]. А созданное в 1896 г. для непосредственного руководства переселенческим делом Переселенческое управление Кауфман считал «типичным министерством колоний» [7, с. 538].

Как видим, стратегические цели новой переселенческой политики были определены еще в середине 1890-х годов. Тогда же, то есть в конце XIX – самом начале XX века, была создана материальная и организационная база, позволившая П.А. Столыпину осуществлять переселенческую политику более энергичными темпами. Однако по большому счету все, что делалось правительством П.А. Столыпина в этой области, являлось лишь продолжением и развитием начатого еще С.Ю. Витте.

Если отказаться от предвзятого мнения о тесной связи переселенческой политики со столыпинской аграрной реформой и на передний план поставить ее колонизационную сущность, то очевидной становится ее преемственность с политикой КСЖД, а если отказаться от привычки во всем противопоставлять до- и послеоктябрьский периоды, то можно обнаружить черты преемственности и в миграционной политике Советского государства. Ведь объективные причины и условия миграционных процессов в Советском Союзе, по крайней мере до начала массовой коллективизации, во многих отношениях оставались прежними и, следовательно, требовали от государственной власти адекватных действий по их регулированию. Все это позволило специально исследовавшим данный вопрос М.И. Бродкину и С.В. Максимову прийти к выводу, что «на протяжении первого послереволюционного десятилетия в миграционной политике не было ничего принципиально нового» [3, с. 126].

Рассмотрим теперь с позиций предложенной нами концепции некоторые более частные стороны переселенческой политики периода столыпинских реформ. В сборнике «Аграрная реформа Столыпина» высказана интересная мысль о том, что переселенческое дело являлось важной составной частью аграрной политики еще задолго до прихода к власти кабинета П.А. Столыпина и что последний лишь перенес акцент с попыток «любым путем разрядить сельское население в центре России», «сбыть побольше беспокойных крестьян в Сибирь» и этим «притупить» аграрные противоречия в центральных районах страны» [14, с. 4] на «ставку на сильных» в переселенческом деле. Действительно, принципиально новый подход к целям и задачам переселенческого движения был заложен еще КСЖД и закреплен законодательно сначала во Временных правилах, а затем и в законе 6 июня 1906 г. Причем, последний был принят после долгой борьбы со сторонниками приоритета интересов землеустройства крестьян в европейских губерниях, выразителем которых был министр внутренних дел В.К. Плеве. По новому законодательству лица, переезжавшие с одобрения переселенческого чиновника на заранее приготовленные участки, получали государственную помощь в виде организованной перевозки по льготному тарифу в специальных переселенческих поездах – с питанием, врачебной помощью и санитарным надзором, с правом пользования переселенческими пунктами. Им предоставлялись льготные ссуды, а иногда и пособия.

По переселенческому тарифу № 5–1909 г. проезд взрослого человека от Варшавы до Владивостока стоил менее 15 руб., а до Омска – менее 6 руб. [13, с. 167]. Это было примерно в десять раз дешевле, чем подобное путешествие по английской железной дороге и в четыре раза дешевле, чем по самой дешевой в Европе австрийской.

Попытка рассматривать переселение как «одно из важнейших звеньев новой аграрной политики», обусловленной крестьянскими волнениями осени 1905 г., ведет к ошибочной трактовке сути закона 6 июня 1904 г. и к переоценке значения Указа 10 марта 1906 г., якобы принятого под давлением этих волнений. Согласно этому взгляду, «изданный 6 июня 1904 г. новый закон о переселении мало что изменил в существующем законодательстве по данному вопросу. Он лишь слегка очистил его от некоторых ограничительных норм».[14, с. 323].

С тем, что закон «мало что изменил», согласиться, пожалуй, можно, так как он в виде «временных правил» фактически уже действовал со второй половины 90-х годов, и его принятие можно считать формальным. Но и указ 1906 г. не мог отменить «существующие стеснения», поскольку они к тому времени уже были отменены. Ехать на общих основаниях, то есть без льгот, не запрещалось и до указа. Таким образом, и в законодательной практике мы не обнаруживаем ничего противоречащего курсу, избранному тем же Комитетом Сибирской железной дороги.

Весьма своеобразно осуществлялась в районах колонизации и пресловутая «ставка на сильных». Теоретически зажиточный переселенец, опять же с точки зрения колонизационной политики, всегда был предпочтительнее бедняка. Практически же «сильные» (по вполне понятной причине: от добра добра не ищут) переселялись не так охотно, как беднота и середняки. Лозунг самого правительства был такой: «Правительство никого не приглашает переселяться, а заботится только о том, чтобы оказать возможную помощь решившимся на это дело, чтобы всем были известны условия переселения и льготы, предоставляемые переселенцам» [11, с. 4].

Оставался лишь один путь: рекомендовать местным землеустроительным органам поощрять создание отрубов и хуторов или хотя бы стимулировать переход переселенцев к подворному землепользованию. В целом же крестьянам было предоставлено право самим решать вопрос о землеустройстве. В итоге к 1916 г. из примерно 400 тыс. переселенческих семей поселились на хуторах 5395 и на отрубах – 66403. Среди последних только 40,9 тыс. имели отруба, сведенные в один участок, остальные владели укрепленными землями чересполосно [2, с. 232, 218].

Исследования последних лет показывают, что Сибирь начала XX в. отличалась от Европейской России не большим числом «фермерских» хозяйств, а наличием сети кооперативов, особенно в маслоделии, поощряемых государством [5, с. 19–56, 106–140].

С другой стороны, укрепление наделов в частную собственность в районах выхода нисколько не противоречило целям и задачам колонизационной политики, а только способствовало их осуществлению: получив такое право, даже разорившийся крестьянин мог выручить от продажи земли достаточно крупную сумму денег, чтобы попытаться завести новое хозяйство на бесплатно полученном переселенческом участке. Классовая суть аграрной политики в данном случае не должна заслонять геополитического аспекта переселенческого вопроса.

Динамика расходов на переселенческое дело также подтверждает постоянство курса на хозяйственное освоение окраин. Только по линии Переселенческого управления они выросли с 4,9 млн руб. в 1906 г. до 29,3 млн в 1914 году, а в пересчете на одного переселенца – с 22,6 руб. до 87,2 руб. соответственно [16, с. 45–51].

По мере освоения наиболее доступных и удобных для сельского хозяйства районов, все большее значение в колонизационном процессе приобретало заселение приграничных областей А поскольку «принудительно заселять границы уже невозможно», было признано, что все меры правительственного содействия добровольному крестьянскому поселению в эти местности имеют стратегическое значение [2, с. 493].

На этом основании переселявшимся в такие места крестьянам давались дополнительные льготы [15].

К началу Первой мировой войны, наряду со стратегическим фактором, все большее значение в переселенческой политике придается экономическим интересам. Этому способствовали успехи хозяйственного освоения окраин российскими крестьянами.

В разработанной в годы войны Переселенческим управлением программе «Об основаниях размещения населения по сельскохозяйственной территории», являвшейся частью более общего плана подготовительных работ к новой земельной реформе, в основу концепции миграционной политики были положены не социально-аграрные, а народно-хозяйственные ориентиры. Предлагалось даже сам термин «переселение» заменить на «колонизацию» как более соответствующий сути происходившего процесса. Реализация этой политики предполагала, прежде всего, «количественное и качественное увеличение производительных сил страны» [6, с. 142–14]). Рассчитанный на пятилетие план колонизации Сибири предполагал интенсивное промышленное освоение его колоссальных природных ресурсов, превращение из сырьевого придатка в особый экономический регион. В связи с этим предусматривался отказ от сословного принципа наделения переселенцев землей. Реализация этого плана, но уже на иной общественно-экономической основе, осуществлялась в советский период истории России.

Итак, с точки зрения геополитической стратегии главное содержание долгосрочной переселенческой политики последнего десятилетия XIX – первых десятилетий XX в. заключалось не столько в попытке разрешения аграрного вопроса в центре страны, сколько в планомерной колонизации ее окраин, и в этом смысле, несмотря на очевидные, издержки и неудачи, эта политика была успешной.

1. Аврех, А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991.

2. Азиатская Россия. Т.1. – СПб., 1914.

3. Бродкин, М.И., Максимов С.В. Макроанализ структуры миграционных потоков // Отечественная история. – 1993. № 5.

4. Витте, С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов – СПб., 1910.

5. Емельянов, Н.Ф., Пережогина, И.Н., Семенова, О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. – Курган, 1994.
6. Журнал Комиссии по вопросам переселения и колонизации // Вопросы колонизации. Вып. 20.
7. Кауфман, А.А. Переселенческая политика // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. – б.м. и б.г.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1911.
9. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – СПб., 1900.
10. Переселение в Сибирский край в 1929 году. – М., 1929.
11. Переселение за Урал в 1914 году. – СПб., 1914.
12. РГИА.Ф. 1276, Оп. 1. Д. 510.
13. Сборник узаконений и распоряжений по передвижению переселенцев. – СПб., 1914.
14. Сидельников, С.М. Аграрная реформа Столыпина. – М., 1973.
15. Смирнова, В.Е. «Духовно-нравственные нужды» крестьян-переселенцев в сметах Переселенческого управления // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Российского севера. – Киров, 1995.
16. Тресвятский, В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. Вып. 20. – Пг., 1917.
17. Тюкавкин, В.Г. Второй период столыпинской аграрной реформы (1910–1914 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. – М.. 1994.

References

1. Avrekh, A.YA. P.A.Stolypin i sud'by reform v Rossii. – M., 1991.
2. Aziatskaya Rossiya. T.1. – SPb., 1914.
3. Brodkin, M.I., Maksimov S.V. Makroanaliz struktury migratsionnykh potokov // Otechestvennaya istoriya. – 1993. № 5.
4. Vitte, S.YU. Printsipy zheleznodorozhnykh tarifov po perevozke gruzov – SPb., 1910.
5. Yemel'yanov, N.F., Perezhogina, I.N., Semenova, O.G. Krest'yanskiy sotsializm v Zaural'ye pri kapitalizme. – Kurgan, 1994.
6. Zhurnal Komissii po voprosam pereseleniya i kolonizatsii // Voprosy kolonizatsii. Vyp. 20.
7. Kaufman, A.A. pereselencheskaya politika // Entsiklopedicheskiy slovar' «Granat». Izd. 7. – b.m. i b.g.
8. Klyuchevskiy, V.O. Kurs russkoy istorii. CH.1. – M., 1911.
9. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom. – SPb.,1900.
10. Pereseleniye v Sibirskiy kray v 1929 godu. – M., 1929.
11. Pereseleniye za Ural v 1914 godu. – SPb., 1914.
12. RGIA.F. 1276, Op. 1. D. 510.
13. Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po peredvizheniyu pereselentsev. – SPb., 1914.
14. Sidel'nikov, S.M. Agrarnaya reforma Stolypina. – M., 1973.
15. Smirnova, V.Ye. «Dukhovno-nravstvennyye nuzhdy» krest'yan-pereselentsev v smetakh Pereselencheskogo upravleniya // Religiya i tserkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii Rossiyskogo severa. – Kirov, 1995.
16. Tresvyatskiy, V. Itogi pereselencheskogo dela za Uralom za desyatiletiye s 1906 po 1916 g. // Voprosy kolonizatsii. Vyp. 20. – Pg., 1917.
17. Tyukavkin, V.G. Vtoroy period stolypinskoy agrarnoy reformy (1910–1914 gg.) // Formy sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva i gosudarstvennogo regulirovaniya. – M., 1994.

UDC 93/94

GEOPOLITICAL ENTITY OF P.A. STOLYPIN MIGRATION POLICY

Smirnov Sergei Sergeyevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Professor of the Department
of Public Administration,
Legal Support
of State and Municipal Service,
Dr. Sc. (History),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sss45@inbox.ru

Annotation
The article dwells upon principles of new geopolitical idea of Stolypin migration policy. Migration policy organization is considered as a stage in realization of Russian geopolitical strategy which has been realizing during a number of centuries.

Key concepts:
Stolypin agrarian reform, migration policy, migration case, geopolitical strategy, colonization of eastern parts of Russia.